

Секция «Журналистика»

Диссиденты в УССР: альтернативные герои и коммуникаторы

Мельникова Елена Сергеевна

Аспирант

МГУ - Мариупольский государственный университет, Филологический факультет,

Мариуполь, Украина

E-mail: mel0586@mail.ru

В Советском Союзе диссиденты функционировали как медиа и альтернативные коммуникаторы. Они передавали информацию, которая замалчивалась официальной властью (к примеру, аресты интеллигенции), либо находилась под запретом (жизнь за «железным занавесом»). «Люди как медиа являются базой так называемых «кухонных разговоров». Они достаточно активные при наличии внешнего давления, в результате чего публичное и приватное информационное пространства становятся неэквивалентными» [1, 382].

Диссиденты боролись за идеи и делали все для их популяризации, рискуя свободой и жизнью в целом. Поэтому они выступали в роли медиа, являясь одновременно источником, носителем и распространителем информации. Большинство из них в результате своей деятельности стали политзаключенными. Известная российская исследовательница диссидентского движения Л. Алексеева писала, что во второй половине прошлого века большинство репрессированных в Советском Союзе составляли украинцы, в частности в 1976 году из 20 человек – 13 были украинскими политзаключенными [2, 114].

Диссидентская коммуникация в Советской Украине развивалась в контексте советского диссидентского движения. С учетом исторических предпосылок, социальной, культурной, информационной политики в СССР диссидентская коммуникация как форма инакомыслия прошла путь развития от так называемой «хрущевской оттепели» до «перестройки». Однако существует необходимость рассмотреть причины возникновения диссидентов как медиа и как альтернативных коммуникаторов в тоталитарном обществе на примере Украинской ССР.

Диссидентскую коммуникацию исследуют на границе нескольких наук: истории, философии, литературоведения, языкознания, психологии, обществоведения, политологии, культурологии, теории и истории массовых коммуникаций и журналистики. В частности, проблему инакомыслия рассматривали А. Грамши, Г. Лукач, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Р. Барт, М. Фуко, Р. Мертон, А. Турен, Э. Ноэль-Нойман, Х. Арендт, Ю. Хабермас, А. Гоулднер, С. Давыдов, И. Суслов. Историки также уделяли внимание коммуникации в контексте диссидентского движения: Л. Алексеева, Ю. Зайцев, Г. Касьянов, А. Русначенко, О. Бажан, Б. Захаров, В. Деревинский. Сам-издатческую активность исследовали А. Блум, А. Струкова, С. Ушакин, О. Обертас, особенности альтернативных медиа – Л. Тимофеева, А. Струкова, И. Брага.

А. Грамши писал об утрате государственной гегемонии как процесса изменения общественного мнения и сознания каждого гражданина, трансформации его мира символов, культурной основы общества, на чем основана коллективная воля к сохранению порядка. Поэтому интеллигенция является главным фактором в установлении и подрыве гегемонии, ведь именно ее представители создают и распространяют в обществе идеологии. [3]

Советский и постсоветский периоды различаются типами героев и врагов. Если во времена Советского Союза связующим промежуточным звеном между народом и властью были герои, то в постсоветском пространстве – диссиденты.

Диссидентские коммуникативные потоки базировались на других событиях, героях, интерпретациях. Поэтому они должны были вступать в конфликт с официальными событиями, героями, интерпретациями. Но эти две модели мира дополняли друг друга, поскольку рассказывали о различных аспектах одного мира. Публичные герои отдавали свою жизнь за отечество на войне, диссиденты же жертвовали собой ради идеи в мирный период. К примеру, случай самосожжения Василя Макуха в Киеве.

Диссиденты функционировали в физическом и информационном пространствах. В период перестройки и постсоветское время они появились и в виртуальном пространстве, в частности в литературе и кино как герои. Например, «Покаяние» Т. Абдуладзе (1987), «Дни затмения» А. Сокурова (1988), «Убить дракона» М. Захарова (1988), «Оно» С. Овчарова (1989), «Исчезнувшая империя» Карена Шахназарова (2005) и др.

Публичные и диссидентские коммуникативные потоки не совпадают, в результате чего возникли «кухонные разговоры» и ритуализация публичных коммуникаций. Она, в свою очередь, порождает феномен застоя, поскольку коммуникации во многих случаях начинают не соответствовать действительности.

Защита национального языка и культуры, борьба за гражданские свободы и права, национальная политика СССР были основными темами украинского самиздата. Устные выступления, доклады диссидентов появлялись в рукописях, распечатках, магнитофонных записях. Также стали популярными протестные обращения, заявления, открытые письма как «устный» самиздат. Публицистика существовала в виде правозащитных документов, самиздатовских книг И. Дзюбы «Интернационализм или русификация?», В. Чорновила «Горе от ума (портреты 20 «преступников»», «Правосудие или рецидивы террора?», «Хроника лагерных будней», Е. Сверстюка «По поводу процесса над Погружальским», полемических эссе («Среди снегов», «Хроника сопротивления», «Моисей и Датан») В. Мороза.

Медиатексты украинских диссидентов несли альтернативные знания, в частности по истории, литературы, искусства, философии, религии. Диссидентская коммуникация как отражение инакомыслия в тоталитарном обществе получила влияние на массовую аудиторию при переходе с приватно-публичной к публичной сфере. Во время перестройки в Советской Украине митинги, демонстрации и другие формы волеизъявления народа были организованы диссидентами, бывшими политзаключенными (В. Чорновил, М. Горынь, Л. Лукьяненко). Поэтому диссидентское движение, каналы диссидентской коммуникации и новые тексты для того времени стали одним из факторов развала СССР и создания независимых государств.

Литература

1. Почепцов Г. Від Facebook'у и гламуру до WikiLeaks: медіакомунікації. Киев: Спадщина, 2012.
2. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР: новейший период. М.: Хельсинкская группа, 2006.

3. Грамши А. Тюремные тетради: <http://eot.su/node/5638>